

ТИМУР КИБИРОВ

ГЕНЕРАЛ

И ЕГО СЕМЬЯ

Исторический роман

18+

prose_contemporary

Тимур
Юрьевич
Кибиров

Генерал и его семья

Тимур Кибиров — поэт и писатель, автор более двадцати поэтических книг, лауреат многих отечественных и международных премий, в том числе премии «Поэт» (2008). Новая книга «Генерал и его семья», которую сам автор называет «историческим романом», — семейная сага, разворачивающаяся в позднем СССР. Кибиров подходит к набору вечных тем (конфликт поколений, проблема эмиграции, поиск предназначения) с иронией и лоскутным одеялом из цитат, определявших сознание позднесоветского человека. Вложенный в книгу опыт и внимание к мельчайшим деталям выводят «Генерала и его семью» на территорию большого русского романа, одновременно искреннего и саркастичного.

ru

Name
tolstoy1

FictionBook Editor Release 2.6
10 April 2021
14083FEC-F5B7-4C1C-BA25-C76BF22697FA
1.2

1.2 — TolstoyL

Генерал и его семья : исторический роман
Индивидуум
Москва
2020
978-5-6043605-4-5

© Тимур Кибиров, 2020 © ООО «Индивидуум Принт», 2020
Тимур Кибиров Генерал и его семья 18+ Издатели: Андрей Баев, Алексей Докучаев Главный редактор: Феликс Сандалов Арт-директор: Максим Балабин Ответственный редактор: Мария Москвина Корректоры: Наталья Витько, Надежда Власенко Принт-менеджер: Денис Семенов Директор по маркетингу: Ксения Мостовая PR-менеджер: Анна Наумова Менеджер по правам: Яна Казиева ООО «Индивидуум Принт» individuum.ru info@individuum.ru [instagram.com/individuum_books](https://www.instagram.com/individuum_books) [facebook.com/individuumbooks](https://www.facebook.com/individuumbooks) [vk.com/individuumbooks](https://www.vk.com/individuumbooks) Наши книги можно купить в «Киоске»: <https://bookmate.store> Подписано в печать 25.11.2019

Тимур Кибиров
Генерал и его семья
Исторический роман

Что-о?! Из русского офицера Петрушку делать?!
Восклицание одного отставного подполковника, заведующего отделом кадров в каком-то советском НИИ, когда сотрудницы предложили ему быть Дедом Морозом на детском празднике

Книга первая
Анна и командор

Глава первая

Дух партий, благосклонность и вражда
Как исторический характер нам не ясно
Представили его: теперь искусство
Должно его приблизить к вашим взорам —
И к сердцу.
Ф. Шиллер в переводе Л. Мея

Ну вот он.
Здравствуйте, пожалуйста!
В смысле — здравия желаю!
Да, действительно, генерал, генерал-майор, никаких уже сомнений, вот, все знаки различия налицо: погоны блещут, лампасы алеют, папаха морозной пылью серебрится.
Хорош.
Вот те и магический кристалл! Вот тебе и Годунов-Чердынцев, и Айвенго, и Петруша Гринев с Максимом Максимовичем! Не говоря уже о мистере Пиквике и сэре Рипичипе.
Так-то вот. Никаких тебе, старичок, снусмумриков, даже не мечтай, рылом не вышел, тебе вот это вот, похоже, всю жизнь разгрести и обонять.
Прям как в анекдоте: «Всех вумных к вумным послали, а тебе — пакет!» Тоже про генерала, кстати...
Обидно, конечно же, и досадно.
Сам-то ведь себя считаешь не просто вумным, а прямо-таки средоточием всяческой вумности и утонченной затейливости, а тут такой, прости Господи, персонаж.
И ничего ведь уже не поделаешь, придется-таки выяснять, что же он такое, в конце концов, означает, и с какой, собственно, целью явился из советского далека (ах да, не явился, являются, как справедливо отмечал майор Юдин, привидения), значит, прибыл, прибыл для дальнейшего прохождения службы, и по какому праву сей неожиданный-негаданный пришлец домогается воплощения.
В общем, как шутят в любимой оперетте моего генерала: «Что выросло, то выросло!»
Ну а Музе давно ведь уже было велено быть послушной (и, между прочим, равнодушной — к тому, что и как толкует чернь тупая), и этот приказ, насколько мне известно, еще никто не отменял, и на Музу российские прозы он распространяется в полной мере.
А то, что опять цитата на цитате едет и реминисценцией погоняет и презренная пародия бесчестит литературные памятники и мемориальные комплексы, — с этим и по давню придется смириться, старого учить что мертвого лечить.

Так что остается только самому встать по стойке смирно, приложить правую руку к воображаемому козырьку и спросить неведомо кого: «Разрешите выполнять?» Тут же, конечно, вспоминается строчка из армейской песенки Коваля и Липского: «Разрешите обоссаться?» Может, конечно, и так получится. Кто ж от такого застрахован? Ну а генерал мой от нетерпения уже чуть не подпрыгивает, ботиночками притопывает, перчаточками прихлопывает, рожа раздумянулась, что твое переходящее знамя, или дефицитная из-под прилавка рыба, или снегирь на новогодней открытке от Анечки, или... в общем, пылает рожа, а бровищи заиндевелые искрят на солнышке, так весь здоровьем и пышет и папиросочкой, лихо закушенной, попыхивает!

Крепенький такой, ядреный, радостный, ну совсем как само это утро, смачно хрустящее под озябшими ногами и слепящее глаза генераловы всей своей январской бижутерией.

Ну? И чем не герой? Согласитесь: внешний вид, несмотря на всю выслугу лет, самый что ни на есть геройский, можно сказать, молодецкаты или даже молодецкий. Именно! Как в песне: ой ты удал молодецкая! Заливные голоса!

Росточком вот только не вышел. Деликатно говоря — ниже среднего. Зато плечи — кося сажень, и грудь, натурально, колесом!

Правда, последние лет двадцать это уже не очень видно, потому что колесом гораздо большего диаметра выкатилось генеральское пузо (маленькая Анечка, забираясь воскресным утром к родителям в кровать, хлопала ладошкой по отцовской майке и цитировала Чуковского: «Ну и брюхо, что за брюхо! Замеча-а-ательное!!»), но, как ни странно, это нашему военному герою вполне идет, нисколько не мешает бравой выправке и даже придает его фигуре еще бóльшую значительность и монументальную монолитность.

Травиата Захаровна (об удивительном имени генеральской женушки поговорим потом) любящими своими глазами усматривала в его лице сходство с французским киноактером Жаном Габеном, с чем я отчасти готов согласиться, но все-таки указал бы, скорее, на актера советского — Юрия Толубеева в роли Городничего в старой, но замечательной экранизации.

А в недобрые минуты генерал и вовсе становился похож на Собакевича, каким его изобразил Боклевский, если я правильно помню фамилию классического иллюстратора. Голова — крупная и круглая, глаза небольшие, серо-голубые.

— Стальные, может быть?

— Да пожалуй, и стальные, почему нет?

Нос... ну не то чтобы совсем картошкой, а так... большой такой клубникой, и опять-таки как у Сквозника-Дмухановского, который сам себя в сердцах обозвал толстоносым. Брови седые и лохматые, потому что после смерти Травиаты Захаровны некому было приводить их в порядок, а волосы, все еще густые, стрижены жестким и колючим ежиком, почти под ноль.

Вот такие суровые черты лица.

А иногда и смешные и вызывающие ехидный вопрос: уж не пародия ли он?

— А уши?

— Что уши? Нормальные уши... Ну, мясистые такие... И тоже без присмотра Травушки сильно заросшие.

А вот шеи нет вовсе, то есть раньше-то она, безусловно, была, хотя и не больно заметная, а под старость совсем исчезла под нависшими брылами и вторым подбородком.

Ну да, правильно — бульдог. А может, и мастиф.

Так что имя-отчество вполне себе подходящее, солидное, исконно русское, без всяких этих глупостей. А вот фамилия... Подгуляла фамилия.

Сколько же наш генерал, да и дочь его, да даже и Степка-балбес вынесли из-за этой фамилии глумлений и хихиканий! Но и правда ведь смешно — генерал-майор Бочажок?

Да и полковник, и подполковник, и майор, и даже лейтенант Бочажок тоже истинная находка для остряков-самоучек. Этакая глупая фамилия разве что ефрейтору в пору!

И рифмуется же, главное, так легко с чем попало!

А если того злосчастного Бочажка Господь еще и ростом обидел? Ну самые серьезные и умные люди никак не могли удержаться от улыбок, а дураки так просто покатывались:

— Как-как? Бочажок?! Ха-ха-ха! Гы-гы-гы!

А о том, какое впечатление производила эта фамилия в сочетании с именем Травиата, и говорить не стоит.

И вроде ничего такого особо нелепого или, там, непристойного в звучании и в значении этой фамилии не было — ведь не Заповев же все-таки, не Сиськамац какой-нибудь (есть и такая фамилия, ей-богу), не Говенда, увековеченная Л. С. Рубинштейном! Или, например, семья Какашкиных, которых мне самому довелось опрашивать в ходе Всесоюзного социологического исследования!

Нет, ничего такого, всего лишь уменьшительное от хорошего русского слова «бочаг» (или «бочага»), которое означает согласно Ушакову «яму залитую водой, омут», а по другому словарю — «глубокое место в реке» или «небольшое озеро, остаток пересыхающей реки». И чего тут ржать? Именно что признак дурачины...

А в последние лет десять это же самое дурачество и веселье по поводу уха на боку пристало, как банный лист, и к безукоризненно, казалось бы, серьезному имени и отчеству генерала.

Потому что советскому народу после лютой стужи хватило и жалких лучей хрущевской оттепели, чтобы разнежиться и оборзеть, смекнув, что его, как это ни странно, вроде не собираются больше расстреливать, да и сажают-то спустя рукава и на какие-то смешные сроки. И пустился распоясавшийся народ-языкотворец как подорванный сочинять и рассказывать анекдоты.

А среди этих самоцветов русского фольклора, чаще всего неприличных, но иногда потрясающе изящных по форме и даже глубоких по содержанию, едва ли не самыми популярными были анекдоты про тезку моего генерала, легендарного героя Гражданской войны и культового фильма. Ну и про его верного оруженосца Петьку, комиссара Фурманова и Анку-так сказать-пулеметчицу.

Ни поручик Ржевский, похабничающий с Наташей Ростовою прямо на первом балу, ни безобразник Вовочка, спрашивающий училку, кто такой Вуглускр, ни (чуть позже) Штирлиц, ни даже лично Леонид Ильич не могли, насколько я помню, соперничать с этим устным народным героем.

Вот разве что армянское радио и безотказный Рабинович, да и то вряд ли.

Так что словосочетание «Василий Иванович» ассоциировалось теперь исключительно и прочно с этим нелепым, пьяным, блудливым и тупым, как валенок, персонажем.

Особенно изводил Бочажка его заместитель по политической части, подполковник Пилипенко (это когда сам Василий Иванович был командиром полка):

— Здоров, Василий Иванович, слышал анекдот про антенну? Василий Иваныч, гы-гы, спрашивает Петьку: «А где Фурманов?» А тот: «Антенну натягивает!» А Чапаев: «Красивое имя — Антенна!»

И сам хохочет, заливается.

Бочажок молча смотрит на него и думает: «Какой же ты все-таки идиот. Треснуть бы тебя по башке твоей лысой вот этим, к примеру, графином!»

А Пилипенко, отхохотав, спрашивает:

— Чо, не дошло?

И начинает снова рассказывать с пространными объяснениями.

А офицерский молодняк вообще, хотя и уважал своего командира, и боялся, и в общем и целом скорее любил, чем нет, прозвал Бочажка Джавахарлалом. Почему? Да из-за такого же непристойного, но, на мой взгляд, более забавного анекдота, ныне забытого и малопонятного. Джавахарлал Неру — это был такой всемирно известный индийский политик, уж не помню, прогрессивный или реакционный.

И вот, значит, выходит Чапаев покурить на балкон, завернувшись в простыню, а Петька снизу:

— Василий Иваныч, ты, что ли, Джавахарлал Неру?

— Во-первых, не Неру, а Ньюру, а во-вторых, не твое дело, кого я джаважарлал!

Но об этом своем унижительном прозвище Бочажок, к счастью, так никогда и не узнал.

— Товарищ генерал, сказали, еще минут двадцать! — доложил подбегавший водитель генеральской «Волги», сержант Григоров, которого Василий Иваныч посылал узнать, когда ж, в конце-то концов, приземлится самолет, на борту которого летит из Москвы его

доченька, красавица и умница, папина радость и гордость, единственный теперь уже свет его очей.

— Спасибо. Ты поди в машину погрейся. И ты тоже, а то стоишь, как этот... — генерал с привычным раздражением изобразил, как именно стоит его сын. Но в это утро даже Степка не мог испортить настроения, разве что подпортить — слегка и ненадолго. — И высморкайся ты, в конце-то концов, чо ты сопли-то гоняешь... Есть платок?

— Есть... — угрюмо отвечал Степка, продолжая шмыгать носом. — Только он в форме... в брюках.

— В брю-уках, — передразнил генерал. — На!

Степка взял протянутый отцовский платок и стал сморкаться, ожидая с покорным равнодушием дальнейших нареканий.

— Иди уж, грейся, горе луковое... Да оставь платок... Жуки!

Последнее слово, произнесенное с убийственной иронией, требует объяснения. Незадолго до начала нашей истории Степка на вопрос генерала, изумленно и гневно разглядывающего фотографию каких-то нечетких, но явственно и отвратительно волосатых прощелыг, пробурчал:

— Ансамбль... вокально-инструментальный... Битлы... Ээ Битлз...

— Чего-чего?

— Жуки...

Почему-то у многих тогда была странная уверенность, что именно так и переводится название достославной ливерпульской четверки.

— Именно что Жуки! — сказал генерал, но срывать со стены и запрещать это безобразие почему-то не стал, махнул рукой. Видимо, пожалел своего нелепого и безнадежного недоросля. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, хуже уже вряд ли будет.

И потом — было бы просто несправедливо репрессировать каких-то дурацких Жуков, когда рядом, на той же стене, который год безнаказанно висели изображения настоящей генераловой врагини — любимой Анечкиной поэтессы Анны Андреевны Ахматовой. А Василий Иванович был, как и положено, суров, но безукоризненно и щепетильно справедлив.

Во всем районе выше его по званию никого нет, в смысле по воинскому званию. К нему и райкомовское, и райисполкомовское начальство относилось с должным почтением и всегда шло навстречу, а уж аэрофлотовские людишки и подавно были рады стараться. И Василий Иванович тоже рад — и новому званию, и солнцу, и морозу, и предстоящей встрече. Хотя и волнуется немного.

Дело в том, что в прошлый раз, ровно год назад (летом Анечка не приезжала — написала, что едет в стройотряд, а потом в какой-то лагерь, интернациональной дружбы, что ли), уже в последний вечер случился тяжелый, безобразный и не нужный никому разговор, они друг друга наобижали и вдрызг разругались, так что простились совсем нехорошо, как чужие. А началось все с того, что Василий Иванович, глядя со снисходительной и счастливой улыбкой, как Анечка крутится перед зеркалом в только что подаренной им дубленке (спасибо Ларисе Сергеевне — донесла, что на складе в военторге появилось несколько штук этого вожделенного всеми советскими модницами и модниками дефицита), когда дочка в очередной раз подскочила к нему с визгом «Ой, папка! Спасибо!» и повисла у него на шее, зачем-то проворчал:

— А все вам советская власть не нравится!..

Ну пошутить он хотел! Просто пошутить!

А Анечка вдруг скорчила рожицу и нагло так:

— Да дубленка вроде югославская... — И сразу же: — А тебе-то самому нравится?

— Мне-то? — Он все пытался вернуть веселье, не обращать внимания на дочкину провокацию: — Мне-то самому-у... нравится!.. моя!.. — И заграбастал ее в свои ласковые лапы. — Анка-обезьянка! И Нюрка — хулиганка! И...

Но Анечка не поддержала их старинную игру, выскользнула и продолжила:

— И чем же она тебе так уж нравится?

Тут и генерал (тогда еще, впрочем, полковник) начал потихонечку закипать:

— А тем, что она меня вырастила и выкормила! И выучила, и в люди, в конце-то концов...

— Только сначала она тебя родителей лишила, если я не ошибаюсь?

Чем сильнее горячился злосчастный отец, тем холодной становилась непочтительная и злобная дочка.

— А вот это вот не твоего ума дело! Поняла? Много вы знаете! Наслушались... Время такое было!

И тут, как назло, из детской вышел Степка-балбес и тоже пошутил, ляпнул из «Неуловимых мстителей»:

— Но время у нас такое! Нельзя нам без сирот!

(Это, помните, Сидор Лютый Даньке говорит.)

Ну и получил от распалившегося папки подзатыльник.

Тут Анечка как заорет:

— Не смей его бить! Тут тебе не казарма!

Василий Иванович остолбенел:

— Что? Да когда ж я в казарме?.. Ты что?!

— Ну не ты, так твои... твои... вся твоя армия, твоя... коммунистическая партия!

— Да ты ополоумела, что ли, в конце-то концов? При чем тут партия вообще?!

— Ну ты ведь у нас коммунист?!

— Степка, а ну марш в кровать!

— Да рано ж еще...

— Марш, я сказал!!

— Что, боишься, сын правду узнает?

Сын, надо сказать, уже смылся от греха подальше.

— Да какую правду?! Ты что, с цепи сорвалась?! Совсем у себя там охренели!

И эта засранка вдруг:

— В таком тоне я разговаривать с собой не позволю!

И — хлоп дверью.

Василий Иванович обиделся ужасно. И не только и не столько за советскую власть и коммунистическую партию, сколько за себя, всю жизнь баловавшего и обожавшего эту сопливую антисоветчицу. Главное — за что? Что он сделал-то? А все она, Ахматова эта, все с нее, гадины, началось!

Но теперь все будет по-другому. Генерал за этот год все хорошенько обдумал и вынес окончательное и мудрое решение. Никаких споров ни о какой советской власти. Сама со временем переберется и одумается. А так только хуже, из упрямства одного станет перечить и противоречить. Вот уж характер у девки. Ничего. Найдем, о чем говорить...

На лыжах пойдем по озеру, как тогда. До самых островов. Чаю в термос, коньяк во фляжку, бутерброды, конфеты — и айда на полдня! Все хорошо будет. Как раньше.

Музыкальным аккомпанементом для своего радостного и тревожного ожидания генерал выбрал (он всегда что-нибудь про себя мурлыкал и мычал) арию Мельника из оперы Даргомыжского:

Ох, то-то все вы, девки молодые,
Посмотришь, мало толку в вас!
Упрямы вы, и все одно и то же
Твердить вам надобно сто раз!

Неудачный выбор, надо сказать, и предзнаменование недоброе. Вспомнил бы, чем там у них все обернулось и что напоследок запел этот ворон здешних мест.

Но генерал ничего такого не думает и не боится:

Да нет, куда, упрямы вы,
И где вам слушать стариков!
Ведь вы своим умом богаты,
А мы так отжили свой век!
Ну, как же!

Мы ведь отжили свой век!
Вот то-то!
Упрямы вы, одно и то же
Надо вам твердить сто раз.
Да, надо вам твердить сто раз!..

Ну вот, практически все главные действующие лица, за исключением, наверное, одного, худо-бедно представлены, пора уже начаться и самому действию.

Ах да — время и место.

Живет и служит генерал-майор Бочажок в военном городке Шулешма-5, в часе езды от самого райцентра Шулешма, на берегу знаменитого некогда раскольничьими скитами и берестяными поделками озера Вуснеж, в заповедных и дремучих, как пел Высоцкий, лесах, на северо-востоке европейской части РСФСР.

Что же касается времени, обозначим его так — где-то между празднованиями столетнего юбилея Владимира Ильича Ленина и шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

А вот наконец и самолет.

Глава вторая

Ш у т. А ты как думал, дяденька?
Кукушка воробью пробила темя
За то, что он кормил ее все время.
Потухла свечка, вот мы и в потемках.
Л и р. Моя ль ты дочь?
У. Шекспир в переводе Б. Пастернака

И вот уже среброкрылая птица (так в советских газетах для вящей красоты назывались воздушные лайнеры), а если быть точным — турбовинтовой пассажирский самолет Ан-24 идет на посадку, и вот уже сел, и вот уже вырывается к зданию аэропорта, и вот уже, все еще тархтя, замирает (в конце-то концов!) в десятке метров от генеральской «Волги». Счастливый папа приосанивается, поправляет папаху и воображает, как он сейчас лихо козырнет дочке и гаркнет:

— Разрешите представиться!..

Нет, лучше даже:

— Честь имею представиться! Генерал-майор Бочажок!

Анечка ведь его еще в генеральской форме не видела.

И вот уже мимо проходят первые торопливые пассажиры. И вторые, и третьи. И вот уже на трапе никого нет.

Совсем уже никого. Нет и нет.

Да Господи же! Да ну нет же! Прислала же телеграмму!

— Там еще пассажиры какие-нибудь остались?

Толстая тетка, волочащая за руку укутанного как шар ребенка, ничего не ответила, может, не слышала, а обогнавшая ее крашенная и простоволосая бортпроводница обернулась и сказала:

— Не, вроде нет.

И когда уже генерал, утратив всякую бравость, постыднейшим образом поддался паническим настроениям, в самолетной двери — ну слава те Боже! — появилась Анечка.

Василий Иванович замахал ей обеими руками и, если бы не честь мундира, понесся бы к ней сам.

Аня увидела их и тоже махнула рукой, но как-то вяло и не очень высоко. И стала спускаться — медленно-медленно и почему-то боком.

Вот она, моя доченька, солнышко ты мое, дуреха моя золотая! Вот уж действительно дуреха — такой мороз, а она нараспашку!..

— Василий Иванович, да не застегивается на ней дубленка, вы что, не видите?

Степка-балбес захихикал рядом:

— Пап, чо это у Аньки живот-то?..

И вдруг осекся и притих.

А живот и правда как два генеральских, прямо гора какая-то, а не живот.

Что ж это такое? Что это, доча?..

— Ну хватит, товарищ генерал!

Прекрасно вы видите и уже с ужасом понимаете, что именно это такое. Беременна ваша Анечка. Неимоверно, непоправимо, неслыханно бе-ре-мен-на!

Прямо скажем — брюхата!

— Здравствуй, папа.

— Здравствуй...

— Там багаж еще...

— Багаж?

— Чемодан и сумка.

— Садись в машину. Степан принесет.

— Он тяжелый.

— Ничего, не надорвется.

Степка был только рад возможности улизнуть, всей своей гусиной кожей ощущая предгрозовую атмосферу и по опыту зная, сколь велика вероятность подвернуться под горячую генеральскую руку.

Аня села на заднее сиденье. Генерал закурил и остался стоять у машины. Оба молчали и не глядели друг на друга.

Василий Иванович вообще ни на что уже не глядел и ничего уже не видел. Света белого невзвидел наш военачальник, ошеломленный и опешивший в буквальном смысле этих слов, то есть выбитый из седла и контуженный на всю голову — неожиданным и нечестным ударом.

— А может, она замуж... — пролепетал внутренний генеральский голос.

Да за какой на хрен замуж?! Замуж! Чего б тогда скрывать! Не-ет, это для тех, кто поглупей да попроще, а мы и без мужей управляемся, у нас ведь ни стыда уже, ни совести, ни...

Ни хера уже у нас нет и не будет!

Дрянь, дрянь, просто дрянь какая-то! Что же ты дрянь-то такая, доча? Что ж ты натворила-то, а? Анечка, Анечка, ну как же это? Стыд-то какой.

Но с каждой секундой приближался стыд еще больший и горший — закипали в широкой груди, подступали к глазам и рвались на свет божий невидимые пока миру генеральские слезы. И были те слезы совсем не скупыми и, боюсь, не мужскими.

Выручил Степка.

— За смертью тебя посылать! Где ты черти носят, деятель!

(«Деятелем» или совсем уж презрительно «великим деятелем» Василий Иванович называл того, чье ничтожество и никчемность хотел иронически подчеркнуть.)

— Да чо я, виноват?

— Ты у нас никогда не виноват. Пушкин, наверное, виноват.

Может быть, и Пушкин, а уж Ахматова — вне всякого сомнения!

Тут я вынужден согласиться — без нее не обошлось.

О Муза плача!

Пора уже, видимо, объяснить ту роковую роль, которую эта прекраснейшая из муз играла, и то большое значение, которое это шальное исчадие ночи белой имело, к ужасу и гневу генерала, в судьбе семьи Бочажок.

Но сначала, наверное, имеет смысл поближе познакомиться с самой блудной дочерью и попытаться понять, как же это она, папина надежда и отрада, дошла, как говорится, до жизни такой.

Анна Васильевна Бочажок, год рождения 1954-й.

Место рождения — город Ковель Волынской области УССР.

Студентка 3-го курса факультета русского языка и литературы МГПИ им. Ленина.

Ныне находящаяся в академическом отпуске и в интересном положении и — увы — незамужняя.

Когда генерал называл свою дочь красавицей, он был не так уж далек от истины. Горизонтальные параметры (до беременности, естественно) были вообще идеальны — пресловутые 90–60–90, ну плюс-минус сантиметр. Но рост и длина ног явно не дотягивали до стандартов фотомоделей. Впрочем, этих худосочных дылд на просторах нашей тогдашней родины еще видом не выдвали, а по сравнению с красотками «Советского экрана» — от Любви Орловой до Натальи Варлей — Анечкины тазобедренные характеристики казались даже чересчур скромными и недостаточно сексапильными, на взгляд записных бабников.

Но зато глаза! Вернее, контраст между большущими карими глазами и светло-светлорусыми, с золотым отливом на солнце волосами! Да еще и брови — как в песнях и сказках — соболиные! То есть по определению сайта

KakProsto.ru

— «широкие, густые и темные. Они придают лицу невероятную выразительность, подчеркивают губы и глаза!».

О, это было что-то! Что-то, что, как сказал певец пиров и финских скал, красоты прекрасней и говорит не с чувствами — с душой!

Ох, знаем мы эти разговоры с душой! Знаем не понаслышке. Вот и договорилась ты, девочка, до беды. Ну да что уж теперь...

В отличие от трагической героини «Pale fire» Анечка, к счастью, была похожа не на кряжистого папашу, а на красавицу-мать. От Бочажка унаследовала она только цвет обильных волос и среднерусскую форму носа. Нет-нет, толстоносой она, слава богу, не была, но об аристократической горбинке и изысканном вырезе ноздрей северокавказской родни могла только мечтать. И мечтала. Буквально до слез. Особенно после роковой встречи с Анной Андреевной. Хотя носик был аккуратненький и вполне себе милый, слегка вздернутый.

До середины восьмого класса Анечка оставалась образцовой, да можно сказать, идеальной советской девочкой: круглой отличницей, общественницей, пионерской, а потом и комсомольской активисткой, непременной участницей конкурсов художественной самодеятельности, а спортивные достижения в пионерболе, волейболе и настольном теннисе совсем уж переполняли гордостью и умилением отцовское сердце.

Да что! Да уже с первого дня она была радостью и праздником! С самого первого дня, когда папа со старшим лейтенантом Дроновым и старшиной Алиевым наклюкались дорогущим шампанским, как поросята (Дронов говорил — как гусары!), и угощали всех знакомых и не очень знакомых офицеров и хозяйку домика, где Бочажки квартировали, тетку Богдану, которая вообще-то была вредная женщина и постоянно дразнила и подначивала постояльцев тем, что «при панах-то было лучше!». Да куда уж лучше!

А личному составу батареи закупили конфет и пирожков с повидлом и целый ящик ситро! Потом Бочажки долго занимали-перезанимали деньги, которых не то что до полочки — до следующего вечера не хватило.

И как одуревший от радости и перемешанного с самогонкой шампанского Бочажок распевал на плацу: «Ночь весенняя дышала светло-южною красой...» — а Ленька и Алиев пытались дурными голосами подпевать и вместо «гондолы» орали, конечно же, «гондоны» и ржали как сумасшедшие.

А тут — командир полка, и давай их чехвостить и грозить дисциплинарными взысканиями, хотел даже на гауптвахту посадить, но, узнав, в чем дело, поздравил молодого отца и крепко пожал руку, только Дронова предупредил, что больше выходки его терпеть не намерен!

Господи, как будто вчера было!

И как Анечка успокаивалась только у него на руках, а Травиата ревновала и сердилась, и как он укачивал ее (Аню, конечно, хотя засыпала как раз Травушка) и пел свои любимые песни и романсы, и мама твоя запрещала петь «В двенадцать часов по ночам из гроба встает

барабанщик», потому что не надо ребенка пугать, и есть ведь нормальные колыбельные, из кинофильма «Цирк», например.

— Ну зачем из «Цирка»? Лучше Моцарта (хотя, говорят, это и не Моцарт вовсе): спи, моя радость, усни, в доме погасли огни... Или в окнах?

Но ты, радость моя, не спала, и не собиралась даже, и тарасила свои черные смородины, и смешно так кривила ротик, да улыбалась же! Ну правда, Травушка, улыбалась!

— Ну не выдумывай, Вася, они в этом возрасте еще не умеют.

— Они, может, и не умеют, а моя дочь мне улыбнулась!

А когда мама засыпала, папа таки пел про встающего из гроба императора и про то, что легко на сердце стало, забот как не бывало, и бездельник, кто с нами не пьет, и про то, как

При луне шумят уныло
Листья в поздний час,
И никто, о друг мой милый,
Не услышит нас.

Привычная и намотавшаяся за день Травиата действительно ничего не слышала и сладко сопела, а вот злобная тетка Богдана стучала в стенку и по утрам выговаривала отправляющемуся на службу сонному Васе, прозрачно намекая на то, что польские офицеры были не в пример лучше воспитаны и не орали и не выли по ночам.

А знаете, где спала первый месяц Анечка? В корыте! В обыкновенном цинковом корыте! И ничего страшного. Тогда вообще ничего страшного не было и быть не могло.

— Ох, Василий Иваныч, Василий Иваныч, ведь неглупый вроде бы человек, и не лживый, и уж точно не подлый, а такую порете, извините, херню, или, как вы деликатно выражаетесь, херомантию.

Ну да сейчас не о том речь.

Сейчас речь пойдет о книгах.

Анечка ведь принадлежала к последнему поколению (ну, может, предпоследнему), которое воспитано было не столько семьей и школой, сколько изящной словесностью и для юных представителей которого было в порядке вещей ночь напролет втайне от взрослых задыхаться и потеть, укрывшись с головой одеялом и освещая потрепанные библиотечные страницы карманным фонариком, чтобы поскорее узнать, как же выкрутится Морис-мустангер из коварной западни, или что станется с Реми, собачками и обезьянкой после смерти синьора Виталиса, или кто же такой этот таинственный, могучий и немного смешной Черный рыцарь.

Да-да, родителям тогда приходилось следить, чтобы дочки-сыночки хоть на время еды и сна отрывались от книжек, и выражение «читать запоем» предельно точно описывало то наркотическое состояние, в котором пребывали тогдашние мальчики и девочки.

И несколько я не преувеличиваю.

Да, конечно, не все советские ребята были такими вот оголтелыми книголюбями, но процентов 40 как минимум. А то и все 50.

Среди детей промышленного пролетариата и колхозного крестьянства доля тех, кому рано понравившиеся романы заменяли почти что все, была, наверное, поменьше, в семьях трудовой интеллигенции, конечно же, намного больше, а вот из отпрысков офицеров, генералов и сверхсрочников влюблялась в обманы и Дюма-отца, и Фенимора Купера, и всей «Библиотеки приключений» приблизительно половина, во всяком случае, если судить по тем гарнизонным школам, где я сам учился.

И то сказать: кино раз в неделю, от телевизора родители отгоняют, да и не очень-то он и интересный, да и не везде и не у всех он есть, ну поиграешь на улице, полазаешь по чердакам и подвалам, погоняешь мяч на пустыре, «постражаешься» деревянным мечом (Крест! Могила! Богатырская сила!), половишь головастиков и тритонов в непросыхающей луже за школой, но ведь вечером все равно домой загонят. Вот и читали.

Думаю, если бы у меня в мои 12 лет была возможность смотреть, скажем, «Звездные войны», или «Индиану Джонса», или даже эти невыносимые «Приключения Электроника»,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями
по IV статье ГК РФ.

Эту книгу Вы можете заказать
в библиотеке электронных книг ЛитРес;
по вопросам обращайтесь в отдел электронных
ресурсов Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская 20;
тел. для справок: (3532) 61-60-27